

В душе Шэнь Цинчжоу теплилась робкая надежда.

— Неужели... Великая Ва-хуан всё ещё жива?

Не означало ли это, что он наконец сможет найти в её лице надёжную опору?

Чжоу Фу ответил честно:

— Я не знаю.

— Даже тебе неизвестно... — Шэнь Цинчжоу разочарованно вздохнул, и он заметно помрачнел.

Чжоу Фу мучительно переносил подобные минуты. Стоило Шэнь Цинчжоу помрачнеть от разочарования или тревоги, как его собеседника охватывала колющая боль. Косноязычный и нескладный, он совершенно не умел утешать, а потому лишь поспешно принялся перебирать догадки.

— Быть может, она, подобно Цзи Сюаньсяю, вкусила эликсир бессмертия? — торопливо заговорил он. — Или Чжу Цзюинь и Ди Цзюнь, под чьей властью находится ход времён, даровали прародительнице вечную жизнь?

— Увы, даже великое исправление небосвода свершилось без малого пять тысяч лет назад, — протяжно вздохнул Шэнь Цинчжоу.

Ему отчаянно хотелось верить в чудо, но холодный рассудок шептал, что надежда эта слишком призрачна.

Прижав ладонь к груди и прислушиваясь к мерному, сильному биению собственного сердца, он задумчиво произнёс:

— Чжоу Фу, когда я покину Куньлунь, то первым же делом отправлюсь поклониться их праху.

Практик ненадолго умолк, после чего тихо отозвался:

— Хорошо.

«А-Чжоу тоскует»

Эта простая мысль дошла до Чжоу Фу лишь мгновение спустя.

Он непременно должен быть рядом. Пойти с ним, разыскать уцелевшие святилища Си-хуана и Ва-хуан, разделить с А-Чжоу всю эту глухую вековую печаль. Ему до боли хотелось увидеть земли, где вырос юноша, взглянуть на шумную, кипящую жизнь смертных — на тот самый Мир Гор и Морей, границы которого он безропотно охранял долгие тысячелетия.

Но долг держал крепко: покинуть Алтарную террасу императоров он пока не имел права.

Почувствовав, как сник его молчаливый спутник, Шэнь Цинчжоу удивлённо спросил:

— Что с тобой?

— Пожалуйста, не грусти, — негромко попросил Чжоу Фу. — Твоя печаль отзывается во мне такой же болью.

Шэнь Цинчжоу изумлённо воззрился на него. Подобные слова граничили с самым настоящим признанием.

Сказать по правде, вниманием воздыхателей он обделён никогда не был. С малых лет Шэнь Цинчжоу отличался утончённой, благородной красотой, и покойный Глава семьи Цинь, принимая именитых гостей, неизменно усаживал племянника по правую руку — исключительно ради украшения собрания.

Слабый в духовных практиках, он не мог тягаться со своим сверстником Цинь Сышэнем, чьё дарование и блестящая наружность кружили головы многим. Но Шэнь Цинчжоу брал другим: кротким нравом и редким добродушием, за что его искренне обожала вся клановая молодёжь. Юнцы без умолку хвалили его дома, и постепенно старейшины других влиятельных семейств прониклись к нему глубоким уважением.

И хотя по положению в роду он стоял высоко, у многих кланов находились юные родственницы подходящего круга. Стоило Шэнь Цинчжоу достичь брачного возраста, как его имя сразу замелькало в списках завидных женихов. Прежнему Главе семьи Цинь даже пришлось вежливо отказать не одному десятку настойчивых свах.

Те родители, чьи дочери отличались крутым нравом, вспыльчивостью и страстью к ратным забавам, всерьёз опасались супружеских раздоров, способных перерасти в побоище. Они упрямо искали зятьёв покладистых и тихих. Кое-кто из чрезмерно заботливых отцов и вовсе во всеуслышание объявлял: духовная сила мужа ни в коем случае не должна превосходить силы жены, иначе девочке житья не будет!

И в этом отношении Шэнь Цинчжоу казался идеальным выбором. Опекающие своих чад отцы души в нём не чаяли. Красив, учтив, благороден, занимает надёжное место при совете клана, происходит из чистой ветви... А главное — в случае чего не сможет одолеть супругу в кулачном бою!

В семьях же посвободнее девицам позволяли выбирать самим. Юные девы, чуждые сухого расчёта, едва завидев безупречный лик молодого господина, тут же без памяти в него влюблялись.

Однажды некая воительница из знатного рода громогласно объявила:

— Издревле героям приличествовало владеть первейшими красавицами. Я сама себе герой, равных которому сыскать трудно, а значит, и мужа возьму краше утренней зари!

«Красавец» после такого заявления целый год обходил владения этой девицы десятой дорогой, всерьёз опасаясь, как бы его не умыкнули прямо со двора клана.

Встречались среди обожателей и мужчины. Их намёки, впрочем, оставались тонкими и завуалированными, а едва Шэнь Цинчжоу догадывался о тайных помыслах, он мягко, но твёрдо давал понять, что взаимности ждать не стоит.

Но вот Чжоу Фу...

У Шэнь Цинчжоу заныли виски. Незнакомец вёл себя так с самой первой минуты их встречи. Могло ли случиться, что в далёком прошлом их связывали глубокие узы?

Впрочем, едва ли. Чжоу Фу робел перед ним так сильно, что даже малыш Сяо Ли держался непринуждённое.

Решив не гадать попусту, он спросил напрямую:

— Чжоу Фу, скажи... как мы познакомились?

Тот удивлённо моргнул:

— Познакомились?

— С самого первого вдоха я неотлучно пребывал здесь, на вершине, — растерянно пробормотал он. — А потом, в один прекрасный день, ты ступил на Алтарную террасу.

Он замолчал, и он посмотрел на него с тихой благоговейной нежностью, точно он вновь переживал то мимолётное видение.

— Вечные льды высятся над Куньлунем веками, но в самих здешних краях снегопады — редкие гости. Однако в день, когда ты поднялся на террасу, метель бушевала трое суток. Я никогда прежде не видел такой ослепительной белизны...

Чжоу Фу опустил голову, сиюсь скрыть робкую улыбку, и он густо покраснел.

— Ты куда-то спешил, оглядывался, будто искал кого-то утерянного... А затем заметил меня и пошёл навстречу. До той минуты мне ни разу не доводилось видеть живую душу.

— И что произошло потом? — любопытствовал Шэнь Цинчжоу.

— Ты назвал меня Чжоу Фу, — едва слышно прошептал практик. — Прежде я не имел имени. Ты подарил мне его, и эта радость... она заполнила всё моё существо.

Он словно погрузился в грёзы об ушедшем веке, где хранилось всё то, к чему он никогда больше не сможет прикоснуться.

«Вот оно как»

Шэнь Цинчжоу задумчиво потёр подбородок. Ему показалось, что он разгадал эту загадку.

«Неужели этот чудак видит во мне... родителя?»

Подобно едва вылупившемуся птенцу, признающему матерью любое существо, встреченное на пороге жизни, Чжоу Фу узрел его первым в мире. А значит...

Шэнь Цинчжоу облегчённо выдохнул, хотя в глубине души шевельнулось мимолётное разочарование, которого он и сам не сумел бы объяснить. Теперь, глядя на практика, он испытывал лишь тёплое покровительственное чувство, какое обычно питают к неразумным младшим родичам.

Бедный Чжоу Фу даже не догадывался, какими причудливыми путями блуждает разум его гостя. Сам виноват — не удосужился объяснить как следует. Да, Шэнь Цинчжоу действительно стал первой встреченной им живой душой, однако Чжоу Фу явился на свет уже наделённым сакральным знанием древних богов. Он не был глупым младенцем и даже тогда выглядел вполне взрослым мужем.

Их беседа ушла далеко в сторону от первоначального русла. Впрочем, раз уж ему посчастливилось подняться на неприступный Куньлунь, Шэнь Цинчжоу не желал спешить с уходом — неразгаданных тайн оставалось слишком много.

С трудом уложив в голове услышанное, он решил вернуться к прерванному рассказу об опасном восхождении на гору Чанъян.

— Да, чуть не забыл, Чжоу Фу, — спохватился он. — Ты ведь просил меня разведать, что творится в обители Синтяня...

Юноша подробно описал всё, что довелось пережить, а под конец спросил:

— Кто был тот незнакомец в белоснежных одеждах?

Он нисколько не сомневался, что практик знаком с таинственным визитёром и знает его повадки, ведь иначе хозяин горы ни за что бы не позволил чужаку оглушить гостя на своей территории.

— Это был Таоу, — без утайки ответил Чжоу Фу.

— Таоу? — изумился Шэнь Цинчжоу. — Одно из Четырёх Бедствий древности?

— Он самый.

В древних хрониках говорилось: «У Черного Императора Чжуаньсюя рос непутёвый сын, коего невозможно было наставить на путь истинный. Чужд он был кротких речей, на уговоры отвечал упрямством, предоставленный сам себе — буйствовал, высокомерно попирая законы Неба. Смертные прозвали его Таоу».

Предания рисовали его жутким чудовищем с человеческим лицом и телом тигра, вооружённым кабаньими клыками и длинным гибким хвостом. Дикий нрав твари не знал узды.

— Но Таоу куда благороднее этого трусливого приспособленца Таоте, — поспешил заступиться за него Чжоу Фу. — Он неустанно сражается против натиска Небесных Чертогов. Беда в том, что действует он излишне сурово, своевольно, и слушать чужих советов не желает. А когда старые боги покинули мир смертных, управы на него вовсе не стало.

— Не бойся, — продолжил практик успокаивающим тоном. — Насколько мне известно, он лишь заносчив и задирист, но понапрасну кровь проливать не станет. К тому же в стародавние времена его знатно потрепали: лишили и клыков, и грозного хвоста, так что былого могущества в нём не осталось. Большой опасности он не представляет.

— Но зачем ему понадобилось приходить на гору Чанъян? — нахмурился Шэнь Цинчжоу. — Уж не задумал ли он поживиться силой заточённого Синтяня?

— Ох, тут я бессилен... — Чжоу Фу удручённо покачал головой, сиюсь воскресить в памяти хоть какую-то зацепку, но тщетно. — Насколько я помню, пути их никогда прежде не пересекались.

Обменявшись озадаченными взглядами, они решили отложить эти бесплодные размышления до лучших времён.

— Скажи, — снова заговорил Шэнь Цинчжоу, — тебе известно, каким я был... в момент своего пробуждения в этом мире?

Само слово «рождение» всё ещё казалось ему чуждым и неловким.

Чжоу Фу растерялся ещё сильнее:

— О чём ты?

— До меня дошли слухи, будто одно время я пребывал в теле малого дитяти, — пояснил Шэнь Цинчжоу, отстёгивая висящий на поясе Меч Влекущий Тень и бережно укладывая его на колени. — Помнил ли я тогда хоть что-то? И по какой причине моя телесная оболочка претерпела столь странные превращения?

Чжоу Фу протянул руку, зависнув ладонью над древним оружием. В то же мгновение ножны испуганно содрогнулись, ответив на его жест яростным оглушительным звоном.

Почувствовав, как клинок бьётся в паническом гневе, Шэнь Цинчжоу поспешно отвёл руку спутника:

— погоди, не трогай его.

— Ой... — Чжоу Фу послушно отпрянул, хотя недоумение на его лице так и не рассеялось.

Нахмурившись, Шэнь Цинчжоу крепко прижал ладонь к рукояти. Это не было лаской — скорее суровым, непреклонным приказом подчиниться. Встретив грозный отпор хозяина, клинок тут же притих, безвольно застыв безжизненной железкой.

— Он тебя недолюбливает, — прямо, без лишних увёрток объявил Шэнь Цинчжоу.

Растерявшись от такой прямоты, Чжоу Фу испуганно сжался. Он насупился, выглядя искренне обиженным.

«А-Чжоу — хозяин меча.

Воля А-Чжоу правит этим клинком.

И раз меч питает ко мне отвращение... значит, и А-Чжоу тоже!

Он меня презирает! Он меня ненавидит!!!»

От этой ужасной мысли мир перед глазами Чжоу Фу покачнулся. Дыхание перехватило, он замер от испуга, и мгновенно побледнел, став серым и неподвижным, точно каменное изваяние.

Однако в следующую секунду Шэнь Цинчжоу со звонким щелчком ударил пальцем по ножнам.

— Смирно. Не смей своевольничать, — строго выговорил он мечу, после чего протянул его ошеломлённому собеседнику и добавил уже гораздо мягче: — Вот и всё. Теперь он покорится твоей воле.

Чжоу Фу оцепенело принял ножны. Он стремительно покраснел, чувствуя, как затихшее было сердце бешено заколотилось, гулко стуча в рёбра.

«А-Чжоу наказал свой меч!

Клинок посмел пойти против его слова!

Значит, А-Чжоу думает совсем иначе!

Меч меня ненавидит...

Следовательно, А-Чжоу меня любит!!!»

Чжоу Фу с силой хлопнул себя ладонью по груди и разразился кашлем, содрогнувшись всем телом. Он судорожно стиснул зубы, из последних сил сдерживая рвущийся наружу безумный крик: «Я тоже тебя люблю!»

«Нельзя... Не смей»

Кое-как совладав с нахлынувшими чувствами, он заставил себя зажмуриться и крепче сжал ладонями холодные ножны.

«А-Чжоу ни в коем случае не должен привязываться ко мне.

И всё же... всё же...»

Он склонил голову низко-низко. Тёмные пряди занавесью упали на лицо, скрывая от чужих глаз безумную смесь нежности и отчаяния.

Простой смертный Чжоу Фу мог позволить себе слабость, но великий господин Бучжоу — никогда.

Он медленно потянул рукоять на себя. Клинок вышел из устья с тихим, чистым звоном. Холодное лезвие блеснуло, подобно прозрачной осенней глади, отразив его застывшее, словно высеченное из гранита лицо и глубоко запавшие, полные горькой тоски глаза.

«А-Чжоу, мой земной срок на исходе.

Пожалуйста, заклинаю тебя, не люби меня»

Страж вечного рубежа обязан всегда сохранять ясность разума, чего бы это ни стоило. Чжоу Фу сделал глубокий вдох и, отрешившись от суетных мыслей, направил своё духовное зрение в самую глубь клинка, пытаясь пробудить дремлющую душу меча.

На этот раз укрощённое оружие вело себя смирно. Дух меча избрал простую тактику: не перечил, но и навстречу не шёл, сохраняя полное, высокомерное безучастие ко всем попыткам завязать разговор.

— Удалось что-нибудь разобрать? — негромко спросил Шэнь Цинчжоу. Его дыхание коснулось уха Чжоу Фу.

— Увы, нет, — покачал головой практик. — Этот клинок слишком долго пребывал в забвении. Его бывшая духовная сила истощилась, и даже мне не под силу пробиться сквозь завесу прошлого.

— Вот как... — разочарованно протянул Шэнь Цинчжоу.

— А-Чжоу, прости меня, — Чжоу Фу преданно уставился на него снизу вверх, точно провинившийся пёс.

— За что ты опять извиняешься? — юноша невольно улыбнулся.

— Я явился в этот мир слишком поздно, — глухо пробормотал Чжоу Фу, готовый сквозь землю провалиться от стыда. — Если бы мне довелось жить в те незапамятные времена, я бы знал ответы на все твои вопросы.

— Глупости, — рассмеялся Шэнь Цинчжоу. — Ты ведь пробудился во времена Юя! Какое же это «поздно»?

Ну надо же, упрямый, как малое дитя. Вечно корит себя за какие-то надуманные грехи. Окончательно утвердившись в роли умудрённого опытом старшего покровителя, он с мягкой полуулыбкой ласково взъерошил Чжоу Фу волосы.

Страж гор не знал светских условностей и одевался как придётся. С причёской он и вовсе не

утруждал себя: густая угольно-чёрная грива просто ложилась на плечи тяжёлыми волнами. Из-за вечных куньлуньских ветров и палящего солнца пряди казались немного жёсткими на ощупь. Собственные волосы Шэнь Цинчжоу походили на струящийся шёлк, и это непривычное ощущение колючей, непослушной шевелюры показалось ему забавным. Он ласково потрепал макушку практика ещё раз.

«Прямо как шёрстка у Хэйшицзы... только длиннее»

Его мысли унеслись куда-то далеко. Чжоу Фу тем временем робко замер под его ладонью и лишь забавно повёл головой, глядя на него снизу вверх с таким трогательным, растерянным видом, что Шэнь Цинчжоу не выдержал и весело улыбнулся. Он напоследок шутливо взъерошил эти жёсткие пряди и тепло проговорил:

— Мой путь ещё не окончен. Расскажи мне лучше о Цюнцюз.

<http://bllate.org/book/18428/1869576>